

ВНУТРЕННЯЯ ОПИСЬ

ДЕЛА №

№№ по порядку	Дата	Входящие №№ бумаг с/части	Исходящие №№ бумаг с/части	Откуда поступила или куда отправлена бумага и краткое содержание ее	Порядков. №№ листа в деле
				ЗАЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН:	
1.				БОНДАРЕВА А.А., служащая железной дороги в г. Смоленске от 12 октября 1943 г.	1
2.				ГУСАРОВА М.П., колхозница из дер. Борок, от 20 ноября 1943 года.	2
3.				ДЕНИСЕНКОВА Анна, шофер колхоза из дер. Гнездово, от 21 ноября 1943 г.	3
4.	3			ЕРЕМЕЕВА Т.Е., колхозница из дер. Исенная от 22 декабря 1943 года.	4
5.				ЕРЕМЕЕВА Меланья, доярка колхоза из дер. Исенная, от 19 ноября 1943 года.	5
6.				ЗУБКОВ К.П., медицинский эксперт гор. Смоленска, от 20 октября 1943 г.	6-8
7.				ИГНАТОВ В.П., шофер совхоза с Семичевка, от 15 ноября 1943 года.	9-11
8.				КЕСАРЕВ П.И., врач от 8 октября 1943 года.	12-15
9.				КРИВОЗЕРЦЕВА П.Ф., кладовщица колхоза "Красная Заря", от 21 октября 1943 года.	16-17
10.				МОСКОВСКАЯ А.М., управдомами в г. Смоленске, от 5 октября 1943 года.	18
11.				ОРЛОВА В.И., учительница школы дер. Новые Батаки, от 28 сентября 1943 г.	19-22
12.				ОРЛОВА П.М., завхоз Катинской больницы, от 24 ноября 1943 года.	23-26
13.				СУХАЧЕВ П.Ф., инженер "Росглавхлеб", от 8 октября 1943 г.	27

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СМОЛЕНСКОГО ГОРСОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

от гр-ки БОНДАРЕВОЙ Анны Андреевны,
год рождения 1923, проживает по
Загорной улице дом № 52.

З а я в л е н и е

Прошу передать мое заявление в Комиссию по расследованию злодеяний, совершенных немцами в городе Смоленске

Заявляю следующее: в период оккупации немцами города Смоленска я работала в строительной части уборщицей. В 1943 году в июне месяце, числа точно не помню, немецкий переводчик приказал мне ехать в Катинский лес, с целью осмотра трупов, якобы расстрелянных большевиками польских офицеров. Когда мы приехали в Катинский лес, переводчик нас подвел к яме, где были сложены штабелем трупы расстрелянных. Немец переводчик говорил, что здесь, якобы большевиками польские офицеры были расстреляны три года тому назад. Трупы расстрелянных, которые я видела в яме, меня убедили в том, что это является наглая провокация немцев, так как трупы расстрелянных были свежие, не разложившиеся и чуть-ли не каждого из них можно было узнать в лицо, так как лица не были почерневшие и это никак не совпадало с тем, как немцы уверяли, что это польские офицеры расстреляны три года назад. Кроме того, одежда на трупах расстрелянных была почти новая и не имела следов долгого их пребывания в земле, так как была несколько не погнившая. Все то, что я видела я вполне убедилась, что это является провокацией немцев, стремящих-

ся скрыть свое преступление, совершенное ими же самими, так как они во многих местах производили массовые расстрелы мирных советских жителей, также советских военнопленных, о чем и сообщая.

(БОНДАРЕВА)

12 октября 1943 года.

В Н.Е.В.Д.

От ГУСАРОВОЙ Марии Петровны.

В 1943 году весной, когда раскопали могилы поляков в "Козьих горах", я ходила туда смотреть. Хотя немцы кричали, что Советы их поубивали, а народ говорил, что их постреляли немцы. Люди моей деревни Борок и деревни Сипачи, что их перекапывали (поляков) находили в могилах поляков немецкие стреляные гильзы. Народ говорил, что поляков расстреляли немцы осенью 1941 года в "Красном Бору" и "Козьих горах".

Колхозница деревни Борок - ГУСАРОВА.

20/11-1943 года.

В Смоленскую комиссию по расследованию
немецких зверств.

З а я в л е н и е

Я, гражданка деревни Новые-Батеки, Смоленского района ДЕНИСЕНКОВА Анна - шофер деревни Гнездово хочу сообщить насчет жителя нашей деревни ЕГОРОВА Александра Лукича.

Имея от роду 19 лет покойный ЕГОРОВ был забран на какие то работы по раскопке могил поляков, которых будто расстреляло русское НКВД. Когда эта работа кончилась, ЕГОРОВА Александра немцы забрали в Смоленск и до нас дошел слух, что его расстреляли. Когда он сидел в тюрьме летом 1943 года, его мать получила свидание. Немец из гестапо показал приговор, что ее сын будет расстрелян. Мать ЕГОРОВА Евдокия - колхозница нашей деревни знает, что ее сына расстреляли немцы за длинный язык, будто он проболтался, что слышал, что немцы подкладывали трупы и выдавали их за поляков, расстрелянных еще в 1940 году русским НКВД. ЕГОРОВ еще говорил что немцам нельзя верить, так как они все нарочно подстроили. Кроме того, я знаю, что прошел слух, что около "Красного бора" немцы расстреляли много поляков.

К сему - ДЕНИСЕНКОВА.

21.XI-43 года.

В Смоленскую комиссию по расследованию
зверств немцев.

От колхозницы колхоза Ясенная
БРЕМБЕВОЙ, Татьяны Егоровны.

З а я в л е н и е

Как пришли немцы осенью 1941 года, прошел в деревне слух, что немцы в овраге, коло нашей деревни расстреливают военнопленных поляков. Сама я видела один раз, как они убивают. В 8 часов утра я пошла на уборку пшеницы. Это около оврага недалеко от Ясенной. Вдруг под"ехала закрытая немецкая машина, откуда вышло несколько немецких солдат. Они вывели 15 человек, свели в овраг, затем раздались выстрелы. Когда я уходила, навстречу ехали еще три таких машины, как фургоны.

К сему - БРЕМБЕВА.

22/ХП-1943 года.

В Комиссию расследования немецких зверствот доярки Ясенного колхоза -
ЕРЕМЬЕВОЙ Меланьи.З а я в л е н и е.

Как пришли в Ясенную немцы, то начали расстреливать привозимых из Смоленска военнопленных поляков. Каждый день стреляли. Бывало привезут закрытую машину к оврагу и из пулемета стреляют. Сама видела я это летом 1941 года в поле жала около оврага, когда привезли и расстреляли поляков. Говорил народ, что тысячи расстреляли.

ЕРЕМЬЕВА.

19/Х1-1943 года.

**В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗЛОДЕЯНИЙ.****З А Я В Л Е Н И Е**

В период немецкой оккупации города Смоленска, я находился в этом городе, занимаясь врачебной деятельностью по обслуживанию нашего гражданского населения.

Весной 1943 года кем-то начала распространяться слухи о том, что в Катинском лесу обнаружены массовые могилы, в которых находятся трупы польских офицеров "расстрелянных большевиками".

Позднее в газетах были сообщены "подробности", из которых было видно, что "расстрел был произведен весной 1940 года".

Затем на место раскопок, с целью экскурсий, начали выезжать группы гражданских лиц, которым представлялся транспорт в виде автомашин.

Меня, как судебно-медицинского эксперта, имеющего стаж работы в этой области свыше десяти лет, располагающего соответствующим опытом и запасом знаний, - интересовал этот вопрос.

Летом 1943 года я поехал в Катынь и побывал на месте раскопок. Первая могила, которую я увидел, представляла собой глубокую яму в виде рва, на дне которой в несколько рядов были сложены трупы, одетые в военную одежду, в сапогах, ботинках, с поясными ремнями и проч.. Подойти близко к трунам, а тем более детально их рассматривать, возможности не было и пришлось ограничиться осмотром с высоты откоса, образованного выброшенной землей. Одежда трупов особенно шинели, сапоги и ремни были довольно хорошо сохранившимися даже местами серо-зеленый цвет шинелей был отчетливым. В отдельных случаях сапоги, голенища которых были вроде лакированных, сохраняли свой блеск. Ткани тела, доступные осмотру, лица, шеи, рук - имели преимущественно грязно-зеленоватый цвет, в отдельных случаях - грязно-коричневый, но полного разрушения тканей гниением не было.

Люди, работавшие на дне могилы, берущие трупы руками и передвигавшие их лопатами, действовали свободно, перетаскивая их за руки и за ноги. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы таким распадалась или обрывались их отдельные части. Это указывало на сохранность и прочность тканей тела.

В отдельных случаях в головах трупов, в затылочной или лобной части были видны отверстия, сходные с отверстиями пулевых ран и в тех случаях гниение тканей головы было выражено сильнее.

Несколько других могил, находящихся поблизости от этой, были меньших размеров и в то время недостаточно раскопанных. В одной из них было видно около 25-30 трупов, у которых, у большинства, были озады связаны руки веревками. Трупы находились в беспорядке и несколько лучше сохранились.

Металлические части, как пряжки ремней, пуговицы, крючки, шпильки на ботинках, котелки и проч. имели не резко выраженную ржавчину. Вербки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые, светло-желтого цвета. Распустившийся конец одной из таких веревок, давал повод считать, что веревка сделана из бумаги.

Учитывая все вышесказанное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле не три года, как это утверждали немцы, а гораздо меньше.

Зная, что в массовых могилах гниение протекает быстрее, чем в одиночных, тем более без гробов; что одежда и ее металлические части в таких случаях тоже менее устойчивы и, сопоставляя "выставленный" немцами срок давности события - три года с тем, что удалось заметить на месте раскопок - я пришел к выводу, что массовый расстрел был произведен 1 1/2 - 2 года тому назад, т.е. весной или летом 1942 года.

На месте раскопок находились другие врачи, среди которых был врач ШЕПЕТНОВ Леонид Александрович, с которым я впоследствии обменивался своими мнениями, которые в основном совпадали с тем,

ЧТО ВЫСКАЗЫВАЛ И ОН.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ
/ЗУБНОВ/

20.X.1943 года

АДРЕС: Гор. Смоленск, Колхозная, 9
Дом Управления Зап. в. д.

В Государственную Чрезвычайную Комиссию по
расследованию злодеяний немцев.

от гражданина ИГНАТОВА Василия
Павловича, проживающего в г. Смо-
ленске, Киевское шоссе с/х Се-
мичевка.

15 ноября 1943 года.

З а я в л е н и е

Во время оккупации Смоленска немцами, я проживал и работал в хозяйстве Семичевка в должности механика мельницы и за время оккупации пришлось видеть и слышать многое о злодеяниях немецких оккупантов, о чем уже ранее органам расследования мною был дан соответствующий документ о массовых расстрелах мирного населения, а теперь описываю о могилах, якобы польских офицеров, находящихся в Катинском лесу, которых я был очевидец. С начала апреля месяца 1943 года немцы, якобы, обнаружили в Катинском лесу близ Смоленска массовые могилы расстрелянных, по их подсчетам 12000 польских солдат и офицеров, о чем немецкая пропаганда заголосила и в печати, и по радио.

Когда начались раскопки этих могил и следствие, то начали создавать комиссии и судебные экспертизы и по заключению этих комиссий пропагандировали, что расстрелы поляков производились большевиками и органами НКВД в марте и апреле 1940 года, причем, вели очень большую пропаганду против большевиизма.

В начале мая месяца 1943 года, заинтересовавшись этими могилами, мне пришлось побывать и посмотреть самому так как доступ туда был свободный, а целью еще большей ненависти к большевизму.

Когда я приехал, то две ямы были раскопаны и около них лежало уже вытасненными около 600-700 трупов. Не знаю, сколько времени они пролежали на поверхности земли до моего приезда. Обмундирование было уже покрыто плесенью и когда я стал разворачивать в некоторых местах шинели и куртки, то цвет одежды был несколько не изменен и прочность почти также. Теперь, несколько трупов лежали со связанными руками. Руки были связаны простым шпагантом и когда я стал его разрывать, то он оказался также совершенно прочным. У трупов видел, у которых к сапогам были подбиты деревянные подошвы, но что касается обуви, также и по швам и везде была крепкая, за исключением тех, которые были сами по себе изношены. Когда я поднял пачку польских денег бумажных, в каждой бумажке было 30 злотых, а всего их было в пачке не менее 70 штук, то они были совершенно новыми и неизмятыми, только один угол немного пожелтел по видимому от сырости, или крови. Что касается человеческого тела, то скажу - не все были одинаковыми, но некоторых можно было даже узнать в лицо. Кожа на теле также имела вид недавно умершего, а часть трупов уже начинала разлагаться кое где, в особенности у тех трупов, которые лежали сверху, а так как грунт песчаный, то они быстрее разложились. Сразу я не мог дать никакого заключения сам себе кто это мог сделать потому, что никогда до того времени не видал никаких раскопок, а когда в

начале июля месяца немцы откапывали своих убитых солдат из одиночных могил свозили на общее кладбище, то мне обратно пришлось посмотреть труп немецкого солдата, пролежавшего в земле 23 месяца, из которого я не мог даже узнать человеческого облика. Одежда на нем была вся изопревшая, от тела осталось в виде разжиженной массы, сапоги, несмотря на то, что сшиты просмоленной дратвой, по швам все разошлись, даже их номер, который они носят обычно на шее, т.е. медальон металлический, на нем нельзя было ничего понять потому, что покрылся весь ржавчиной.

И из этого я пришел к выводу, что лежавший в земле один человек пролежит больше чем в яме, которая имеет примерно около 6 метров ширины, 9 м. длины и 6 м. глубины с несколькими сотнями людей, из которых за 3 года могло бы произойти подземное озеро, так как человек имеет в себе влагу и к тому же в песке, где имеется проникновение воздуха.

Таким образом, созданная немцами большая возня о якобы расстрелянных советскими органами 12000 польских офицеров, есть ни что иное, как лож и клевета, созданная против Советского Союза, с целью замести свои собственные следы злодеяния.

ИГНАТОВ.

В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗВЕРСТВ

За время моего пребывания в Смоленске во время немецкой оккупации мне пришлось быть свидетелем многих злодеяний немецко-фашистских захватчиков, начавшихся с первых же дней оккупации.

Вскоре после занятия г. Смоленска немцы всех евреев выселили в Садки и здесь уже отобрали 35 человек мужчин интеллигентов и расстреляли. Среди них был, между прочим, и тов. РИСЕ-ЛЕВЕР, которого я хорошо знал как бывшего зав. складом Аптекоуправления.

Особенно немцы свирепствовали с нашими красноармейцами, захваченными в плен в октябре месяце 1941 года под Вязьмой. Их гнали огромными колоннами, не кормили, не давали пить, а ослабевших и выбившихся из сил пристреливали на всем пути их следования, не стесняясь даже такой расправой и на улицах Смоленска. Я был свидетелем нескольких случаев, когда на моих глазах немцы добивали ослабевших. Одна ночь была особенно страшной. Это было в конце октября, когда немцы открыли стрельбу по проходившим колоннам пленных на улицах и убили сотни красноармейцев. Утром, когда я возвращался из больницы после ночного дежурства, на Советской улице, на площади Смирнова я видел много трупов красноармейцев.

Еще больше погибло красноармейцев от голода и холода в лагере и госпитале военнопленных. Там погибли десятки тысяч. В 126-м лагере ежедневно в зиму 1941-42 г.г. выносили по 300-400 трупов. Это подтверждали бывшие в лагере врачи ПОГРЕБ-НОВ, ЕРНЫШЕВ, ДЕМИДОВ, которые позднее работали в городской больнице для граждан. населения. Врач ЧИЖОВ, работавший в госпитале военнопленных, а затем в городской больнице, подтверждал, что в госпитале военнопленных больные и раненые красноармейцы гибли сотнями от авитаминозных поносов и дистрофических заболеваний. Затем присоединился сыпной тиф и уносил

ежедневно массу жертв.

В то же время гестапо свирепствовало и среди гражданского населения. По малейшему подозрению и доносам арестовывали и молодых и старых. Этой участи не избегали и врачи. Расстреляны были по подозрению за связь с партизанами врачи СЕМЕНОВ, МАКСИМОВА, ЗОРАК, ОВСЯННИКОВ и друг.

В апреле месяце 1942 г. были расстреляны члены цыганского колхоза в Александровском. Там погибло больше 100 чел., причем убивали и женщин с детьми.

В июле месяце 1942 г., кажется 15 числа, были убиты и все еще уцелевшие евреи в Садках. На следующее же утро весть об этой трагедии облетела весь город. Там немцы применили машины "душегубки", а часть населения Садков была расстреляна. Передавали это со слов полицейских, которые принимали участие в охране, оцеплении и ограблении домов Садков. Часть мужчин-ремесленников, говорили, что человек сорок, была тогда оставлена для работы в немецких частях. Между прочим, в августе-сентябре 1942 г. на Ленинской ул. я встречал т. ГОРДОНА, закройщика из "Красного Швейника". Летом того же года немцы привезли в Смоленск около 1.000 чел. евреев рабочих и ремесленников из Польши для отделки недостроенного здания новой жел.дор. больницы, куда затем переехало гестапо. Несколько раз больных из этой группы рабочих привозили на амбулаторный прием в больницу. Все они были очень истощены. По окончании работ по отделке здания там же на участке жел.дор. больницы все они были расстреляны и трупы зарыты там же. Это знают жители Краснофлотской ул., от одного из которых, гр-на ТИМОШЕНКОВА, узнал и я зимой 1942-43 г.г.

Кроме этих массовых убийств евреев, гестапо постоянно старалось вылавливать по доносам своих агентов всех евреев, которые скрывали свою национальность, не щадя даже детей от смешанных браков. Например, весной этого года из школы, где учительницей была О.А. ПРОВА, были взяты с уроков брат и сестра ВРЖОЗОВСКИЕ (отец поляк, мать еврейка) и оба пропали

в застенках гестапо. В августе и-це этого года была взята гр-ка ТАРАСОВА, жена врача моего товарища по работе на жел. дор., ХАСИНА, и также была расстреляна. В феврале месяце 1942 г. были взяты гестапо наши старые знакомые по г. Красно-му Ефим Исаевич и Мелания Исаевна МАГИДОВЫ, старики за 65 лет и оба пропали в застенках гестапо. Неоднократно приходи-лось слушать об убийствах даже маленьких детей от смешанных браков.

Зверски обращались немцы и с гражданским населением, выселяемых из прифронтовой полосы или из оставляемых ими районов. От железнодорожников я слышал о целых поездах замороженных людей зимой 1941-42 г.г. и даже зимой 1942-43 г.г. Происходило это потому, что немцы оставляли вагоны с людьми запертыми, без топлива, без пищи на запасных путях неделями и люди гибли от мороза.

И наряду с этим немецкие захватчики хотели "отыграться" на катынской провокации. Они выступали со своими подручными ДОЛГОНЕНКАМИ, ШИРОКОВЫМИ в печати и по радио, что "открыли" в Катынском лесу массовые могилы польских военнопленных "уби-тых большевиками". Устраивали туда "экскурсии", но русское на-селение не убедили и не добились выступления населения в же-лательном для себя духе. Ездил и я смотреть эти ямы. Там мы видели раскопанными две ямы, из которых одна была большая и трупы лежали в несколько рядов. Часть трупов мы застали выне-сенными наверх, и хотя нам не демонстрировали подробного ос-мотра трупов, но уже по наружному виду и беглому осмотру мож-но было сказать, что срок захоронения свыше-трех лет, который хотели доказать немцы, нельзя согласовать с видом и сохран-ностью трупов. Трупы были целы без распадаения на члены, кож-ные покровы с волосами, хрящи носа сохранились на большинст-ве трупов. У некоторых трупов я даже заметил местами выгядя-вавшую из под отвернувшейся одежды сохранившуюся кожу на живо-те. Все трупы были в одежде: шинелях, ~~кожаках~~, френчах неопре-

деленного серовато-грязного цвета. Кожаные вещи - сапоги, ботинки очень хорошо сохранились. Некоторые трупы были со связанными руками, причем веревки, которыми были связаны руки были не пеньковые, а бумажные, употреблявшиеся в германской армии. Срок захоронения трупов по моему мнению и по мнению других врачей, которые там были и с которыми я беседовал, например д-р СОВОЛЕВ, д-р ЗУБКОВ, никак не мог быть больше 1½ лет.

Кроме этих ям нам еще показывали так называемый "музей". Там были развешаны польские конфедератки, мундиры, кресты, письма, молитвенники и такие чистенькие, что в их "фабрикации" нельзя было сомневаться.

Врач П. КЕСАРЕВ

8 октября 1943 года

Адрес: г. Смоленск, ул. Крупской, д. 13
2-й Сов. больницы - Павел Иванович КЕСАРЕВ.

КРИВОЗЕРЦЕВОЙ или Белогоровни, члена
ВЛКСМ, кладовщика колхоза "Красная За-
ря", Гнездовского с/совета, Смоленского
района, Смоленской области.

З А Л Ь Б Л Е Н И Е

Я считаю своим долгом сообщить в Обком ВЛКСМ о том, что как я, так и молодежь нашей деревни, находящейся близ леса "Козьи Горы", можем сообщить насчет истории, которая фашистами устроена весной 1943 года в нашем лесу. Весной 1943 года к нам пришли из Смоленска газеты, где было написано про "зверство большевиков в Катынском лесу". Сообщалось, что немцы нашли в "Козьих горах" могилы убитых польских офицеров, которых будто расстрелял НКВД в 1940 году. Это, конечно, сплошная ложь, которую можно легко опровергнуть многими фактами. До самой войны 1941 года ни я, никто из наших жителей не слышал, чтобы в лесу была стрельба, а немецкие газеты это говорят, что расстреляли целых 12 тысяч человек поляков. До войны и летом, и зимой мы всегда свободно ходили по лесу. Собирали сучья, ягоды, грибы, молодежь всегда устраивала маевки и гулянки, очень часто по воскресеньям из города приезжали целые организации с оркестром духовой музыки и баянистами. Здесь же располагались дачники, приезжали из Смоленска артисты из театра и цирка, которые выступали перед отдыхающими. Так было все время до войны и в 1940 году, когда, по словам немцев, русские будто расстреляли 12 тысяч польских офицеров. А помню, как летом 1943 года все наши жители приглашались посмотреть на могилы в "Козьих горах", сама я

туда не ходила, а вот другие мои товарищи смотрели и потом мне по секрету рассказывали, что не верят во все эти немецкие штуки. Так рассказывали наши комсомольцы Вера СРЛОВА, Лев ЧЕПИКОВ и другие. Со слов смотревших могилы, я знаю, что трупы не были похожи на такие, что пролежали в земле так долго.

Немцы говорят, что расстрелы сделаны в 1940 году, а я видела на нашем шоссе и осенью 1941 года и позже как немцы гнали много военнопленных, в том числе и поляков, которых можно узнать по их форме, совсем другой, чем носили другие пленные. Этим поляков гнали по направлению к лесу. У нас еще шел разговор, что немцы расстреливают военнопленных поляков и где-то в местах, где Красный Бор и других лесных местах. Вот это все и говорит, что немцы сами расстреляли поляков, а потом устроили провокацию в Катинском лесу.

Я прошу Обком передать мое заявление комиссии, которая расследует немецкое зверство.

КРИВОЗЕРЦОВА.

21 октября 1943 года.

10

18

В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗЛОДЕЯНИЙ.

Гор. Москва.

От гр-ки МОСКОВСКОЙ Александры
Михайловны.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу меня вызвать, так как я желаю сообщить важ-
ные сведения о немецких злодеях.

Мой адрес: гор. Смоленск, Соборный двор, дом № 29.

5 октября 1947 г.

МОСКОВСКАЯ.

В СМОЛЕНСКИЙ ОБЛАСПОЛКОМ.

От учительницы 3-го класса
Гнездовской явч. школы СРГОЗОВ
Веры Косиловны, проживающей
в дер. Новое-Батево, Гнездов-
ского с/совета, Смоленской об-
ласти.

З А В Я Н И Е

Я, советская учительница, перенесшая на себе все тяготы и бедствия, принесенные гитлеровскими захватчиками, считаю своим долгом сообщить Председателя Смоленского Обласполкома о ряде возмутительнейших фактов, свидетелем которых мне пришлось быть.

Мне 21 год, 11-ть лет я училась в советской школе в Бузе. Осуществляя свою мечту - стала советской учительницей. Не успела уйти, когда началась война и вынужденно была остаться на родине, когда на нашу землю пришли гитлеровские бандаи. Меня, антидифгетного человека, под страхом расстрела превратили в вытонную рабочую. Тяжелые и мрачные дни наступили в нашей округе. Рабство, расстрелы, ни в чем невиновных советских жителей, гнусное издевательство, провокации, а затем снова расстрелы и расстрелы. Наибольшее возмущение у русских людей вызвала инсценированная фашистами провокация в лесу - "Козьих гор" - так называется участок леса, прилегающий примерно в 14 км. от города Смоленска по нашему шоссе. Весной 1943 года подлая смоленская газетка "Новый путь", начала писать о том, что немцы установили место могил расстрелянных поляков; поляки это бывшие офицеры польской армии, и в количестве 13 тысяч человек, якобы расстреляны работниками ГПУ. Меня это возмутило настолько, что я сообщила об этом. Жизнь его была очень очевидной. Дело вот в чем,

я живу в деревне Новое-Батоки всю свою жизнь, наша деревня находится в непосредственной близости от леса "Ковьих гор". До войны я никогда ни от кого не слышала, чтобы в нашем лесу происходили выстрелы, а ведь немцы говорят, что большевики расстреляли 12 тысяч человек. Места в нашем лесу грибные, всегда обильные обилием ягод. И я в детстве, да и lately, которых и сейчас учу и осенью и летом всегда в большие количества ходила в наш лес по грибам, по ягодам. Зимой кители нашей деревни, как и всех других окрестностей собирали в лесу хворост, ходили на дровами, молодежь каталась на лыжах. И никогда, никто до войны не слышал ни одного выстрела. И являю, что вскоре после взятия нашей местности немецкими войсками, участок леса в районе "Ковьих гор" был оцеплен усиленной охраной. Какие части имели охрану и охранять не могу. Никого из кителей близко к этому месту не пускали. По нашему лесу, где и в мирное время было очень оживленное движение, мы, кители, видели, как зимой осенью, примерно в августе или в сентябре 1941 года, гнали многочисленную группу каких-то военнопленных. Все они были с измученными лицами, отдельные были ранены и они опирались на товарищей. Страшное зрелище они представляли собой. В один из пасмурных дней я видела как провели человек 40-50 военнопленных, на головах которых были фуражки с четырехугольным верхом, напоминающим польскую форму. Или они понурив головы. У нас в деревне был слух, что немцы пригнали из Варшавы и других польских мест много поляков, которых заставляли работать на железнодорожных путях. У нас говорили, что эти поляки отказываются работать с русскими и на железнодорожных работах делают немцам разные пакости.

Со всем превратился и лес. Читатели нашей деревни осенью 1941 года часто слышала какую-то стрельбу. Мне доносила до нас слухи, что немцы расстреливали поляков там же где то у Красного Бора.

Летом 1943 года немцы, стоявшие в нашей деревне, говорили нам, что мы должны пойти в "Ковьян горы" и посмотреть на зверства большевиков. Русским разревалось приходить только по субботам. В силу из суббот июля и-ию 1943 года я тоже пошла в "Ковьян горы". Нам показали штабеля трупов и немец, говоривший по-русски, начал объяснять, что это трупы польских офицеров, которые, якобы в 1940 году расстреляло русское НКВД. Мне бросилось в глаза, что многие трупы довольно хорошо сохранились. Одежда, в которую они были наряжены, не полностью стлела, на многих трупах были сапоги не похожие на те, которые пролежали в земле три года. Смешно было подумать, что эти люди были расстреляны в 1940 году, а еще больше удивилась в убеждении своем, что все это наглая и глупая провокация фашистских извергов. На уборку трупов немцы мобилизовали кое-кого из жителей нашей деревни: КАМЫЛОВА Ивана, КАЛАЧЕВА Петра, БЕРСОВА Александра. После окончания работы БЕРСОВ был немцами арестован и пропал безвестно.

КАЛАЧЕВ мне рассказывал, что один труп был это своим, походе что человека этого расстреляли несколько месяцев тому назад.

Все, что я здесь написала, я рассказывала своим близким друзьям, Льву ЧИЛИМОВУ, который сейчас учителемствует в Иванданской школе, ЦЕРИНС Екатерине, которая работает при ст. Гнездово на железной дороге. Они были такого же мнения, как и я, об этой гнусной немецкой провокации.

И очень прошу Вас, товарищ председатель Исполкома, передать все это заявление Чрезвычайной Комиссии по расследованию немецких зверств, пусть она учтет это в своей работе.

к тому - ОРЛОВА В.И.

28 сентября 1948 года.

12

23

Н. К. В. Д.

от сотрудницы Катинской больницы
ОРЛОВОЙ Полины Михайловны, проживавшей
пос. Катинь.

З А Я В Л Е Н И Е.

Я хочу сообщить о известных мне лично фактах, вскрывающих злодеяния немцев, учиненные ими в Катинском лесу в 1941 году.

Весь период оккупации я проживала в пос. Катинь, в моем доме систематически жили немцы - унтер-офицеры и солдаты из проходивших по шоссе Смоленск-Витебск воинских частей.

Весной 1943 года по радио (у бывших у меня на постое немцев имелся радиоприемник) я услышала пространную передачу о том, что, мол, немцы нашли в Катинском лесу могилы будто бы расстрелянных НКВД в 1940 году польских офицеров-военнопленных. У каждого русского человека не могло быть сомнения, что все это враки. Когда в июле 1943 года кое-кто из наших жителей побывал на могилах в Козьих Горах, слух о том, что в могилах лежат трупы поляков, убитых самими немцами, у нас в Катине усилился. Люди рассказывали, что трупы не похожи уже на полеваявшие в земле столь продолжительное время, у многих из них сохранились черты лица.

волосы, лежавшие возле трупов документы не истлели, металлические пуговицы на мундирах расстрелянных поблескивали. Сама я в Козьи Горы не ходила, но дело не только в этом, хотя рассказы очевидцев, побывавших на могилах уже сами по себе опрокидывали немецкую басню о происхождении трупов поляков в Катинском лесу.

В силу целого ряда обстоятельств, о которых я не могу вспомнить без горечи, один из немцев, находившийся в моем доме - унтер-офицер ЛЕМКЕ Георгий, 34 лет, родом из города Штеттина, старался всячески подчеркнуть свою ко мне благо-склонность.

ЛЕМКЕ - унтер-офицер, служил в какой-то особой военной части, имевшей какое-то отношение к жандармерии. В начале 1943 года ЛЕМКЕ часто выезжал куда-то на грузовой автомашине, возвращаясь, он мне иногда говорил, что встречал моих земляков - военнопленных красноармейцев, москвичей. На более подробные расспросы он не отвечал. Этот разговор происходил в присутствии живших у меня в доме - немецкого фельдфебеля и унтер-офицера по имени Франц, так же как и ЛЕМКЕ, происходящего из города Штеттина.

Однажды, кажется в марте 1943 года, ЛЕМКЕ явился, когда два других немца спали, сел ужинать, причем выпил стакана полтора водки. Будучи подвыпивши, ЛЕМКЕ сказал, что ему надоело возиться с русскими военнопленными, которые пригнаны из лагеря для производства секретных работ в Катинском

лесу, ЛЕМКЕ говорил, что русские пригнаны из какого-то места близ Смоленска. Я начала расспрашивать, как они выглядят, эти русские, ЛЕМКЕ со смехом сказал, что скоро им ни о чем заботиться не нужно будет. У меня от догадки прошла дрожь по всему делу. Я несколько раз пыталась снова завести с ЛЕМКЕ разговор о наших военнопленных, но во все последующие дни он сердито отмалчивался и ни на какие мои расспросы не отвечал. Особенно неловко ЛЕМКЕ себя чувствовал после того, как я прослушала по радио передачу о могилах в Катынском лесу. Я его спрашивала, как могло получиться, что говорят о расстреле польских военнопленных большевиками в 1940 году, когда я и все наши жители, прилегающих к шоссе и лесу селений, в 1941 году видели собственными глазами, как эти польские военнопленные работали на дорожных работах на шоссе? ЛЕМКЕ мне ничего не ответил на вопрос, но сказал, чтобы я не повторяла "эту глупость", иначе мне будет плохо.

В конце июля месяца ЛЕМКЕ из нашего поселка уехал и я его больше не видела. Перед отъездом он мне еще раз повторил, чтобы я никому, ни в коем случае не проболталась о том, что он мне говорил о своих поездках в Катынский лес.

То, что мне рассказывал ЛЕМКЕ, привело меня на мысль, что немцы как-то использовали наших военнопленных красноармейцев на раскопках в Козьих Горах и так как они, вероят

но, были свидетелями каких-то тайных работ на могилах поляков, вероятно, послужило причиной того замечания ЛЕМКЕ, что "они скоро ни о чем не будут заботиться", и можно с уверенностью сказать, что немцы их уничтожили.

П.ОРЛОВА.

24/XI-1943 года,
село Катинь.

13
1
В НКВД СССР - гор. Москва.

24
От СУХАЧЕВА П.Ф., проживающего
в гор. Смоленске по Рославль-
скому шоссе, дом № 1.

З А Я В Л Е Н И Е

В связи с тем, что я знаю факт, который может по-
мочь советским органам выяснить, каким образом немцы
состряпали провокацию по Катынскому делу, прошу меня
вызвать.

СУХАЧЕВ.

8-го октября 1949 г.

В Смоленский Райсполком

От колхозника ТАРАСОВА Константина
Семеновича из деревни Ясенная.

З а я в л е н и е

Хочу сообщить, как немецкие жандармы расстреливали у деревни Ясенной в овраге летом 1941 года военнопленных поляков и гражданское население. Я сам видел, как привозили на расстрел и слышал как их расстреливали. До восхода солнца я пошел к оврагу собирать дрова. Вдруг под"ехала грузовая машина, из нее вышли немцы - человек десять или двенадцать и разошлись в цепь. После чего, высадили из нее людей в форме. Какая форма, я не разобрал. Сам я был окружен этой цепью. Понял, что будут расстреливать. Я испугался и спрятался в маленьком овражке. Затем, минут через пять раздалась пулеметная стрельба, затем, звуки похожие на разрыв гранат. Когда я хотел уходить, пришла вторая машина. Повторилась тоже стрельба. Пули летели над моей головой. После я ушел.

ТАРАСОВ Константин Семенович.

15/ХП-1943г.

В Чрезвычайную Комиссию по расследованию
немецких злодеяний в г. Смоленске и его
окрестностях

ст. преподавателя Смоленского педагогического института -
ХАЩКЕВИЧА Саввы Васильевича.

З а я в л е н и е

По независящим от меня обстоятельствам мне пришлось оставаться в Смоленске в период немецкой оккупации и быть свидетелем той агитационной шумихи, которая была создана немецкой пропагандой вокруг так называемого "Катынского дела". Эта шумиха началась весной 1943 года и продолжалась в течение всего лета. Всем служащим русских управлений предлагалось посетить Катынские могилы и предоставлялся для этого необходимый автотранспорт. В числе других служащих Смоленского окружного Управления и мне пришлось посетить в июне месяце эти могилы. Они расположены в небольшом лесу (Катынский лес) к западу от Витебского шоссе на небольшом от него расстоянии. Это расстояние мне сейчас представляется не большим, как в 150-200 м. Я видел три раскрытых могилы, имеющих форму прямоугольников, длиной около 15 м. и шириной около 8 м., глубиной около 2 м. каждая. Могилы размещались на песчаном холме, покрытом молодым сосняком. Грунт до самого дна могил исключительно песчаный. На дне могил уплотнившимися слоями лежали трупы. У некоторых из них руки были связаны за спиной бумажным

шпагатом. Как самые трупы, так и амуниция на них хорошо сохранились. Несколько рабочих выносили отдельные трупы на площадку рядом и сбрасывали их там с высоты носилок без всяких предосторожностей. Трупы при этом не разваливались. На открытых частях тела (руки, лица) в большинстве случаев сохранилась кожа (коричневого цвета) и общий облик некоторых трупов сохранился настолько отчетливо, что я чувствовал, что если бы это были мои знакомые, то я узнал бы их без всякого затруднения. Амуниция на трупах была военная, но довольно пестрая: тут встречались и солдатские ботинки с обмотками, и хромовые сапоги, китель с офицерскими погонами, брюки обыкновенные и с лампасами, плащи, шинели, ремни, пряжки, особой формы четыреугольные фуражки, у одного из голенищи выглядывала алюминиевая ложка обычной формы. Вокруг могил валялись польские кредитки различного достоинства, настолько сохранившиеся, что с ними можно было бы отправиться в любом городе на базар за покупками. На обратном пути наш грузовик остановился на шоссе против небольшого деревянного домика на веранде которого были размещены в особых витринах экспонаты Катынских могил. Здесь мы видели несколько потемневшие, но хорошо сохранившиеся, медали и ордена, погоны, пуговицы, молитвенник и некоторые другие принадлежности религиозного культа польского ксендза, фотографии и документы написанные от руки и на пишущей машинке. Некоторые из этих документов имели настолько свежий и неповрежденный вид, что можно было подумать, что они только сейчас вышли из канцелярии.

В числе таких прекрасно сохранившихся документов было свидетельство о бракосочетании одного польского офицера с польской гражданкой, написанное на пишущей машинке. Часть фотографий была покрыта пятнами, но все же лица на них изображенные были достаточно отчетливо различимы, другая часть фотографий имела совершенно свежий и неповрежденный вид. Вот в общих чертах та картина, которую мне пришлось наблюдать в Катинском лесу в июне 1943г.

Мне и моим спутникам уже тогда казалось в высшей степени странным, чтобы трупы, которым немцы приписывали трехлетнюю давность, могли так хорошо сохраниться со всей их аммуницией и принадлежностями в песчаном грунте, легко доступном проникновению воздуха. Уже после освобождения Смоленска от немецких захватчиков мне пришлось наблюдать трупы, расстрелянных немцами наших военнопленных возле дома Красной Армии, где была открыта одна из таких могил. Эти трупы оказались разложившимися в гораздо большей степени нежели Катинские трупы хотя давность их должна была быть значительно меньшей давности этих последних, если только верить рассказам немецкой пропаганды относительно происхождения Катинских событий. Ясно, что Катинские могилы, это дело рук немецких преступников и было инсценировано ими с определенной политической целью. Но на этот раз, как и во многих других случаях, просчитались фашистские захватчики, потерявшие всякий человеческий облик.

17/XI-43г. - С. ХАЦКЕВИЧ.

ЗАЯВЛЕНИЕ в НКВД.

Я, гр-ка ЧЕРНИС Констанция Ивановна, 1922 г. рождения, по национальности полька, считаю своим долгом рассказать о следующем:

В 1941 г. окончив Н.Красноборскую школу, поступила работать в Нарсуд 3-го участка делопроизводителем, при ст. Гнездо во, где и работала до оккупации. Когда пришли немцы, они меня превратили в кухонную работницу и уборщицу. Заставляли делать непосильную работу, с которой я не могла справиться. Все физические страдания ничто перед моральными. Особенно было тяжело тогда, когда немцы выпустили сообщение о том, что будто около моей деревни Гнездово в Козьих горах, Советская власть будто-бы расстреляла 12 тысяч поляков.

Я, как полька, с возмущением отвергаю эту гнусную клевету, которая была пущена немцами и заявляю, что расстрел польских военных - дело рук самих немцев.

Какие основания это утверждают: во-первых, до прихода немцев в Козьих горах было место гулянья, сбор грибов, дров, открыто для всех жителей нашей, а также и других деревень. Никогда никто не говорил и не слышал о расстрелах в этих местах. До войны мы видели в этих местах военно-пленных поляков, работающих в лагерях НКВД, это было до прихода немцев. После прихода немцев, вскоре ход был запрещен, как в Козьи горы, так и в других наших окрестностях, прилегающих к Козьим горам. По ночам были часто слышны выстрелы. Среди мирного населения ходили слухи, что в Красном Бору, а также в Козьих горах и других местах (осенью 1941-г.) немцы расстреливали военнопленных поляков. И, действительно, с той поры их никто не видел. Бывавшие на раскопках могил говорили, что трупы были неразложившиеся, в могилах находили немецкие баклажки. Это и указывает на то, что эти люди были расстреляны недавно самими немцами.

д.Новые Востеки, ст.Гнездово - ЧЕРНИС
Констанция Ивановна.

Председателю Смоленского горсовета, депутатов трудящихся от гр-ки ЯКОВЛЕВОЙ Евгении, род. в 1926 г. и проживающей по Загорной, 31.

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу передать мое заявление в комиссию по расследованию немецких злодеяний в гор. Смоленске. Заявляю о следующем: во время оккупации я работала в немецкой строительной части, размещавшейся в доме специалистов, в качестве уборщицы. Нам, работницам, комендантом нашей части была предложена поездка для осмотра якобы большевистских злодеяний над польскими офицерами. Это было в середине июня 1943 г. Комендантом части — обер-фельдфебелем БУШКОМЬ была предоставлена машина и всех русских работниц в количестве 15 человек повезли в Катинский лес, с целью осмотра. По приезде в Катинский лес пришлось долго ожидать, но наконец, построив нас по три человека, пропустили. Был сделан доклад, но на немецком языке. Самую первую могилу показали в 300 человек. Их уже вынули и заново похоронили, сделав общую могилу. Рядом еще было две могилы. Дальше пошли рассматривать уже раскопанных; большое количество людей было сложено штабелями. Их поодиночке вынимали, а немецкий врач устанавливал место попадания пули и, вынув из карманов все содержимое, клал на стол. К столу нас не допускали на десять шагов. В стороне на скамейке лежал труп еще не разложившийся. Лица нельзя было рассмотреть, но были волосы и на лбу черная застывшая кровь. Трупы были одеты в сапоги и ботинки. Некоторые были связаны по рукам и ногам. На поясе были прикреплены котелки. Деньги польские валялись пачками, но подбирать не разрешалось. Долго останавливаться над могилами не разрешалось, да и не было возможности от неимоверного запаха.

Осмотрев это, мы вышли.

Но из всего этого, виденного мною, я убедилась, что это все провокация, пущенная немецкими оккупантами.

- 2 -

Это доказывает то, что трупы, пролежавшие три года в земле, не могли бы сохраниться, а также и одежда и бумаги. Деньги, валявшиеся на траве, были новы. Но больше всего меня удивило то, что при раскопке у одного убитого из кармана выпала бумага и один из работавших, поднявший ее поинтересовался, что это, получил удар по спине прикладом от немецкого конвоира.

ЯКОВЛЕВА.